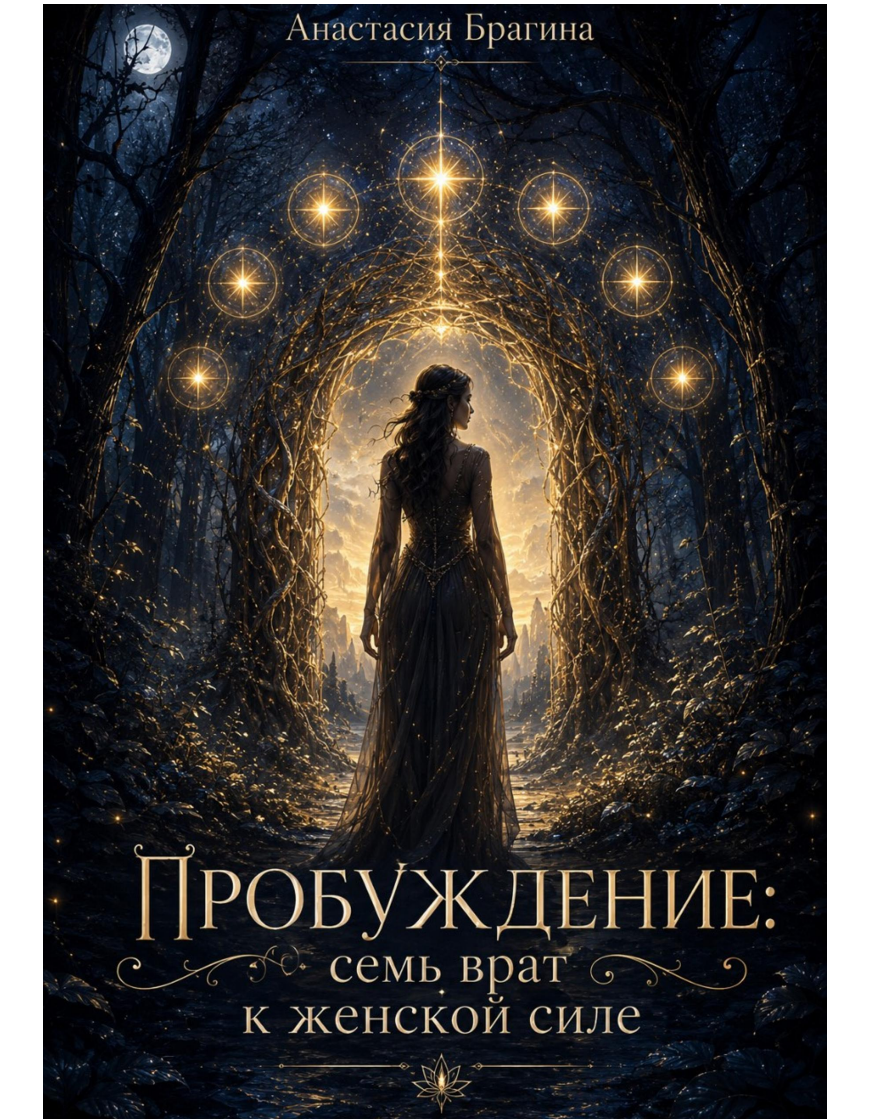

Анастасия Брагина

ПРОБУЖДЕНИЕ:

семь врат
к женской силе

Анастасия Брагина

Пробуждение. Семь врат к женской силе

<https://litres.ru/73994466>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты устала. Ты тащишь на себе дом, работу, детей, а иногда и мужа. Ты давно забыла, когда в последний раз чувствовала себя живой, желанной, наполненной. Единственная радость — чашка чая с шоколадкой в тишине, когда все уснули. И где-то глубоко внутри теплится вопрос: «Неужели это всё?»

Эта книга — не сборник советов. Это путь. Путь женщины, которая прошла через семь Врат и вернула себе свою силу. Вместе с героиней ты встретишься со своим телом и перестанешь с ним воевать. Услышишь свой гнев и научишься защищать границы. Поймёшь, что деньги могут приходить легко. Узнаешь, как вернуть искру в отношения — не через упреки, а через свою женскую природу.

«Пробуждение» — это книга-посвящение для тех, кто готов перестать быть удобной и начать быть собой. Не жертвой. Не функцией. Женщиной. Настоящей. Дикой и святой. Твоя магия ждёт. Проснись.

Анастасия Брагина

Пробуждение. Семь врат к женской силе

ПРОЛОГ

Первое, что она почувствовала — это не звук и не запах. Это была тишина внутри. Смолк бесконечный внутренний диалог, список дел, чувство вины за несделанное, тревога о завтрашнем дне. Мысли остановились.

Пение птиц вплелось в эту тишину не как шум, а как нить. Многоголосая, живая. Ей не нужно было понимать их язык, она просто знала: они не предупреждают об опасности. Они славят уходящее солнце.

Шум водопада где-то рядом. Не грохочущий, а глубокий, мощный, утробный. Такой звук мог бы издавать зверь, если бы зверь был водой. Она поняла, что слышит его не ушами — всем телом. Вибрация поднималась от земли через пятки, через позвоночник и расходилась теплом в груди.

Она открыла глаза.

Закат. Не просто красивый. Яростный. Небо истекало алым, оранжевым и тёмно-фиолетовым — цвета, которые в городе она видела только на экране телефона. Здесь они были настоящими. Они пахли. Пахли дымом от костра, влажным мхом и чем-то сладким, как дикий мед. Запах листвы и свежей воды смешивался с этим дымом, создавая аромат древнего храма.

Она сидела на мягкой подстилке из шкур у входа в пещеру. Камень за спиной был тёплым, словно живой. Впереди горел костер. Не такой, как в походе — робкий, боязливый. Этот костер пылал ровно и сильно, и в его пламени мелькали не искры, а... образы. Лица женщин. Молодых, старых, смеющихся, плачущих. Её бабушка? Прабабушка?

Она опустила взгляд на свои руки. Они были другими. На запястье — тонкая нить с бусиной, похожей на каплю смолы. Кожа пахла травами, не кремом. Платье — грубый лён, но такой приятный к телу, что хотелось плакать от забытого ощущения уюта. Ноги босые, ступни в земле.

«Где я?» — хотела спросить она, но губы не шевелились. Вопрос показался глупым. Важнее был другой вопрос, который будто сам всплыл из глубины, из того места, где молчание было абсолютным:

«Кто я без своих ролей? Без телефона? Без званий? Без страха опоздать и не успеть? Кто я, когда меня никто не видит?»

И лес выдохнул ей в ответ. Не голосом. Ощущением. Где-то глубоко внизу живота, в том самом месте, которое врачи называли маткой, а бабушки — «золотником», зародилось тепло. Не жгучее, а тягучее, как расплавленный янтарь. Оно поднималось вверх, к сердцу, и растекалось по рукам, ногам, наполняя каждую клетку.

Это было чувство узнавания. Она не нашла ответ. Она вспомнила его телом.

Она — та, кто слышит воду под землей. Та, чей смех может остановить грозу. Та, чья ярость — это священный огонь, а не истерика. Она — продолжение этих птиц, этого водопада, этого заката.

Костер затрещал громче, и одна ветка упала, рассыпавшись снопом искр. Она вздрогнула. Не от страха — от внезапной, острой мысли, которая пронзила ее, словно стрела:

«Неужели я спала всю свою жизнь?»

Слеза скатилась по щеке и упала на лён платья. Слеза была

горячей. Первая честная слеза за долгие годы.

Слеза высохла быстро — не потому что перестало болеть, а потому что воздух этого места был слишком живым, чтобы долго предаваться печали. Водопад шумел, напоминая о чем-то вечном. Птицы всё пели, провожая последние лучи.

И вдруг она услышала шаги.

Не мужские, не тяжелые. Мягкие, но уверенные. Шаги той, кто имеет полное право здесь находиться. Из-за деревьев вышла женщина.

Она была высокая. В простом темном платье до земли. Волосы распущены, в них запутались маленькие белые цветы. Но поразило героиню не это. Поразили глаза. Они были темными, глубокими, как омут, но светились изнутри. Это был взгляд, который знает.

Женщина подошла к костру, села напротив. Посмотрела на героиню долго, спокойно. А потом сказала голосом, похожим на шум водопада — низким, обволакивающим:

— Ты устала. Я знаю.

Героиня хотела ответить что-то привычное: «Да нет, всё

нормально, бывает, справляюсь», — но слова застряли в горле. Потому что врать здесь было нельзя. Невозможно. Воздух был такой прозрачный, что любая ложь была бы видна, как чернила в чистой воде.

И тогда она просто кивнула.

Женщина протянула руки к огню, и пламя послушно качнулось в её сторону, словно кот, который трется о ногу хозяйки.

— Ты тащила всё сама, — продолжала женщина, глядя в огонь. — Ты думала, что это и есть сила. Мужа. Детей. Работу. Ипотеку. Кредиты. Ты думала: я сильная, я смогу. Ты не замечала, как с каждым годом становишься легче. Не телом. Душой. Ты высыхала.

Героиня почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Твоя единственная радость, — голос женщины смягчился, стал почти ласковым, — была чашка чая и шоколадка. В тишине. Когда все спят. Это твой маленький бунт. Твой крошечный кусочек свободы. Но он был запретным, да? Ты чувствовала вину. Чувствовала, что отнимаешь это время у семьи, у мытья посуды, у завтрашних отчетов.

Слезы потекли по щекам героини. Она не вытирала их. Впервые её понимали. Понимали ту самую боль, которую она сама себе запретила считать болью.

— Потому что муж же хороший? — спросила женщина, и в её голосе прозвучала горькая ирония. — Не бьёт. Не алкаш. Работает. Чего тебе еще надо?

— Да... — прошептала героиня. — Все так говорят. И я сама себе говорила. Но внутри... внутри я чувствовала, что умираю. Что я не жена, а мать для него. Что я тащу его, как третьего ребенка, только у ребенка хоть радость есть, а он... он просто устал. Всегда устал. Всегда отдыхает. А я? Когда отдыхаю я?

— Никогда, — ответила женщина. — Потому что тебя научили: твоя ценность в твоей пользе. Если ты не приносишь пользу — ты не нужна. Это и есть Великая Подмена. Тебя лишили магии, заменив её функцией. Ты стала функцией. Жена. Мать. Сотрудница. Ипотечница. Плательщица кредитов. А где в этом списке Женщина?

Повисла тишина. Даже птицы притихли. Костер горел ровно, и в его свете женщина казалась почти прозрачной, сотканной из дыма и заката.

— Я пришла, чтобы вернуть тебе это, — тихо сказала она. — Но сначала ты должна отдать мне то, что тебе больше не принадлежит. Всю ту тяжесть, которую ты тащила. Всю вину за желание простого счастья. Весь стыд за то, что ты хотела легкости. Отдай это костру. Прямо сейчас. И тогда я скажу тебе, кто ты на самом деле.

Героиня посмотрела на огонь. Он был живой. Он ждал.

И она начала говорить...

Она смотрела в огонь, и пламя, казалось, дышало в такт её дыханию. Слова пришли не из головы — они поднялись из живота, из солнечного сплетения, откуда-то из-под рёбер, где годами жил плотный, тёмный ком.

— Я отдаю свою тяжесть, — голос дрогнул, но не сорвался. — Всю ту тяжесть, что носила на спине. Чужую и свою. Я больше не выючное животное.

Костер принял это. Ветка внутри него переломилась с тихим, удовлетворённым треском.

— Я отдаю свои молчаливые обиды, — продолжила она и вдруг увидела перед внутренним взором лицо мужа. Его усталое, простое лицо. Он не был злодеем. Он просто не

знал. А она не говорила. Она ждала, что он догадается. — На мужа. За то, что он отдыхал, пока я тащила. За то, что он «хороший», но я была одна. Я обижалась молча. Копила. Это съедало меня изнутри, а он даже не знал. Я отдаю эту ядовитую тишину.

Дым стал гуще на секунду, словно втягивая в себя что-то липкое, тёмное, и тут же рассеялся.

— Я отдаю обиду на общество, — её голос становился ровнее. — За это вечное «должна». За гонку. За пластмассовые стандарты. Но дело не в нём. Дело в том, что я верила. Верила, что чашка чая с шоколадкой — это стыдная радость. Верила, что я не имею права на лёгкость.

Проводница слушала. Она не кивала, не подбадривала. Она просто была рядом, как скала, как дерево, как сам этот лес — присутствием, которое не судит.

— Я отдаю обиду... на себя, — это было самое трудное. Ком в горле стал острым. — За то, что я позволяла всё это. За то, что я годами подавляла свой голос. Свои желания. Свою дикость. За то, что я считала: если я буду жертвовать собой, меня будут ценить. Если я буду удобной, меня будут любить. Я ставила себе это в заслугу, а это была клетка. Я сама была своим тюремщиком.

И тут костер вспыхнул иначе. Пламя стало выше, чище, почти прозрачным, и в нём больше не было образов — только свет.

— Я отдаю свой страх, — сказала она, и губы сами сложились в подобие улыбки. — Этот вечный страх, что без меня всё рухнет. Дети. Дом. Муж. Работа. Что только я держу этот мир на своих плечах. Но это не любовь. Это гордыня. Это моё эго боится признать: они справятся без меня. Все справятся. Они не моя ноша, они — моя жизнь.

Проводница улыбнулась в ответ. Её тёмные глаза наполнились теплом.

— Ты сейчас сказала главное, — произнесла она тихо, почти шёпотом, но шёпот этот был громче водопада. — Ты не жертва. Ты никогда не была жертвой. Ты была спящей Творящей. А творящая должна сначала очистить свой алтарь.

Она встала, обошла костер и села рядом с героиней — близко, плечом к плечу. От неё пахло дымом, полыньёю и чем-то неуловимым, как первая гроза в мае.

— Посмотри на свои руки, — сказала она. — В них больше нет вожжей. Нет чужих поводьев. Ты больше не тащишь.

Ты свободна. Но свобода — это не отсутствие обязательств. Свобода — это выбор. И сейчас ты выбираешь не бежать обратно в город, к старой жизни, а пойти со мной. В лес. Внутрь себя. Узнать свою женскую магию. Без неё ты строила дом на песке. Теперь мы будем строить на скале.

— Я боюсь, — честно сказала героиня. — Не за них. За себя. Что я не справлюсь с этой свободой.

— Не справишься, — легко согласилась Проводница. — Поэтому ты пойдёшь не одна. Я с тобой. И те, кто был до тебя. И те, кто придут после. Мы все идём этой тропой. Это путь женщины. И он всегда — через лес.

Она протянула руку. Героиня секунду колебалась. А потом вложила свою ладонь в тёплую, шершавую ладонь Проводницы.

Водопад вздохнул громче. Птицы запели новую, ночную песню. И две фигуры поднялись и пошли в темноту, туда, где начиналась тропа, которой не было на картах.

Глава 1. Врата Тишины: Я есть воздух

Тропа поднималась вверх.

Лес постепенно редел, деревья становились ниже, корявей, словно кланялись невидимому ветру. Земля под ногами сменилась камнем — серым, древним, покрытым серебристым лишайником. Героиня чувствовала, как с каждым шагом воздух становится тоньше, прозрачнее. Дышать было легко и странно, будто она впервые узнала, что у дыхания есть вкус.

Проводница шла впереди. Её темное платье развевалось на ветру, и героиня вдруг заметила то, чего не видела раньше: Проводница не оставляла следов. Камни молчали под её босыми ступнями.

— Мы почти пришли, — сказала Проводница, не оборачиваясь. — Первые Врата ждут тебя.

— Какие они? — спросила героиня, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Не от страха — от предвкушения. От странного чувства, похожего на воспоминание.

— Ты узнаешь.

Тропа оборвалась внезапно. Они вышли на горное плато — огромное, плоское, как ладонь великана. Впереди не было ничего, кроме неба. Бесконечного, ослепительно-голубого, пронизанного ветром. А прямо в центре плато возвышались

Врата.

Они были сделаны не из камня и не из дерева. Они были сотканы из самого воздуха — две колонны из дрожащего марева, а между ними переливалась прозрачная мембрана, в которой плясали крошечные искры, похожие на звездную пыль.

Перед Вратами стояла Женщина.

Высокая. Выше Проводницы. Её одежды были белыми, почти невесомыми, и ветер играл с ними, как с облаками. Волосы — серебряные, струящиеся — казались продолжением воздуха. Но поразительнее всего было её лицо: спокойное, юное и древнее одновременно. А глаза... Глаза были закрыты.

— Это Жрица Безмолвия, — тихо сказала Проводница.
— Она не говорит. Она слушает.

Героиня сделала шаг вперед. Жрица не шевельнулась, но героиня вдруг услышала — не ушами, а где-то внутри черепа, прямо в центре головы:

«Ты пришла. Я ждала. Входи — и познай тишину».

Голос был бесплотным, как дуновение. Проводница мягко коснулась плеча героини:

— Дальше ты идёшь одна. Я буду ждать здесь. Помни: всё, что ты услышишь внутри — это не истина. Это эхо. Позволь ему отзвучать.

Героиня глубоко вздохнула и шагнула сквозь мерцающую завесу.

Внутри Врат

Тишина.

Сначала она показалась оглушительной. Героиня стояла в центре круглого пространства, похожего на внутренность хрустального шара. Стен не было — только бесконечная, светящаяся белизна. Ветер исчез. Звуки исчезли. Даже собственное дыхание звучало приглушенно, словно через вату.

И в этой тишине она услышала первый голос.

«И это всё, чего ты добилась?»

Она вздрогнула. Голос звучал внутри. Он был знаком до боли. Так говорила мать, когда она приносила четверку вме-

сто пятерки.

«Ты недостаточно стараешься. Посмотри на себя. Кому ты такая нужна?»

Второй голос. Голос первой школьной «подруги», которая смеялась над её платьем. Героиня зажмурилась, но голоса не исчезли. Они множились, наслаивались друг на друга, создавая какофонию:

«Женщина должна быть скромной».

«Сиди тихо, не высовывайся».

«Без нас ты никто».

«Ты эгоистка».

«Думаешь, ты особенная?».

«Живи как все. Терпи. Не жалуйся».

«Ты плохая мать, если думаешь о себе».

«Твой муж тебя бросит, если ты не будешь удобной».

«Зарабатывай, но помни, что деньги — это грязно».

«Будь сексуальной, но не будь шлюхой».

«Будь сильной, но не будь мужиком».

«Будь мягкой, но не будь тряпкой».

Героиня упала на колени и зажала уши руками. Но голоса были не снаружи. Они звучали внутри. Они были частью её. Они были её Внутренним Критиком, собранным из тысяч

чужих фраз, которые она годами принимала за истину.

«Твоя единственная радость — шоколадка втихаря. Жалкое зрелище».

«Ты никто».

«Ты никто».

«Ты никто».

Слезы текли по щекам. Она хотела закричать, но не могла. Хотела убежать, но выхода не было.

И вдруг — сквозь хор голосов — пробился новый. Тихий, спокойный, бесплотный:

«Это эхо. Позволь ему отзвучать. Не борись. Дыши».

Голос Жрицы. Героиня открыла глаза. Она всё ещё стояла на коленях в белой пустоте. Но теперь она видела воздух. Он был не пустым — он был живым, дрожащим, наполненным крошечными золотыми искрами.

Она сделала вдох. Медленный. Глубокий. Как учила когда-то на йоге, сто лет назад, до всей этой гонки.

«Ты никто...» — снова заверещал голос.

Вдох.

«Ты не справишься...»

Выдох.

Она представила, что каждый выдох — это ветер. И этот ветер подхватывает голоса, как сухие листья, и уносит их прочь.

«Ты должна...»

Вдох. Я не должна. Я выбираю.

«Что люди подумают...»

Выдох. Это не моё.

Голоса становились тише. Они всё ещё звучали, но теперь это был не хор, а далёкий, бессильный шёпот. Она могла их слышать, но они больше не управляли ею. Они были просто шумом. Фоном. Эхом прошлого.

И когда стих последний голос — голос «подруги», которая когда-то назвала её толстой, — наступила Тишина.

Не пустая. Не страшная. Наполненная. Живая.

В этой тишине она услышала дыхание гор. Услышала, как её собственное сердце бьется в унисон с пульсом земли. Услышала тихий, ясный, чистый звук — одну-единственную ноту, которая звучала где-то в центре её существа.

Это был её голос. Её истинный голос. Он не говорил слов. Он просто был. И она знала: это и есть она. Не роли, не функции, не чужие установки. Она.

«Ты услышала», — прозвучал внутри бесплотный голос Жрицы. «Теперь ты знаешь: тишина — это не отсутствие звуков. Это пространство, где рождается твоя истина. Принимай мой дар».

И героиня почувствовала, как что-то изменилось в самом её существе. Словно внутри открылась дверь, о которой она не знала. Пространство. Чистое, прозрачное, свободное.

Возвращение

Она вышла из Врат. Воздух плато показался ей сладким, как первый глоток родниковой воды. Проводница стояла там же, где и прежде, и, увидев героиню, улыбнулась — широко, открыто, по-настоящему.

— Ты бледная, — сказала она. — Но глаза сияют. Расскажи.

Героиня коснулась рукой груди — там, где теперь звенела тишина.

— Они всё ещё там, — тихо сказала она. — Все эти голоса. Но теперь я знаю, что они — не я. Я могу их слышать и не слушаться. Я могу просто дышать, и они уходят, как облака.

— Да, — кивнула Проводница. — Это и есть свобода. Не уничтожить голоса, а перестать верить им. Дать им быть и отпустить.

— У меня никогда не было такой тишины в голове, — героиня улыбнулась. — Это как... как будто я всю жизнь жила в комнате, где орало радио, и вдруг кто-то его выключил. И я слышу себя.

— Это только начало, — Проводница взяла её за руку. — Теперь у тебя есть пространство внутри. Пустота, которую ты заполнишь своей магией. А теперь — отдохни. Завтра мы спускаемся в долину. Тебя ждут Вторые Врата. И Земля.

Практика для тебя

«Радио-детокс»

Сядь в тишине. Зажги свечу. Представь, что внутри тебя звучит радио. Оно ловит сотни станций — голос мамы, мнение коллег, советы из соцсетей, страхи из новостей.

Задай себе вопрос: *«Чей это голос?»*

Возьми лист бумаги. Выпиши фразы, которые крутятся в голове. А теперь напротив каждой напиши: «Это не моя правда. Это голос (мамы/общества/бывшего). Я имею право на свою тишину».

Сделай глубокий вдох. На выдохе представь, как ветер подхватывает эти слова и уносит их в небо. Почувствуй пустоту внутри. Не пугайся её — это пространство для твоего истинного голоса.

Прошепчи вслух: «Я есть воздух. Я свободна. Я слышу себя».

Глава 2. Врата Тела: Возвращение в Дом

Часть 1. Стыд — это не твой голос

Тропа, спускавшаяся с гор, становилась всё более пологой. Воздух теплел, тяжелел, и каждый вдох теперь был густым, как сироп. Пахло влажной землёй, прелыми листьями, корнями, чем-то древним, что героиня чувствовала где-то глубоко в животе, но не могла назвать.

Проводница шла молча. Героиня тоже молчала, но внутри неё нарастала тревога. Она не понимала почему — пока не осознала, что идти стало легче. Не физически. Исчезло то, что она годами носила как белый шум. Голоса в голове стихли. Внутреннее радио, выключенное в первых Вратах, молчало.

И в этой тишине она вдруг услышала кое-что другое. Чувство. Глухое, тёмное, свернувшееся калачиком где-то под рёбрами. У него не было слов — только тяжесть. Она знала это чувство. Оно всегда приходило, когда она смотрела в зеркало.

Стыд.

Она не говорила о нём никому. Даже себе. Стыд был её тайным спутником, её тенью, её ежедневной реальностью. Стыд за складку на боку, когда она сидела. За то, как колышутся руки, когда она машет кому-то на прощание. За то, как она выглядит сверху, когда муж — редко, всё реже — оказывается над ней в постели. За шоколадку, съеденную в темноте кухни. За всё.

— Мы почти пришли, — сказала Проводница. — Вторые Врата ждут тебя.

— Я не хочу туда, — внезапно сказала героиня. Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить. — Я боюсь.

Проводница остановилась. Обернулась. Её тёмные глаза смотрели не с жалостью — с пониманием.

— Ты боишься не Врат. Ты боишься того, что увидишь. Себя.

— Да. Я годами избегала зеркал. А если смотрела — отводила глаза. Я знаю, что я увижу, и я не хочу это видеть. Я ненавижу своё тело. Я ненавижу его так давно, что уже не помню, когда началась эта война.

Проводница помолчала. Села на большой валун у тропы — не на край, а по-хозяйски, заняв всё пространство. Жестом пригласила героиню сесть рядом.

— Тогда давай остановимся здесь. Ты не войдёшь в эти Врата, пока не будешь готова. Но я хочу, чтобы ты рассказала мне. Когда это началось? Не вообще. Конкретно. Первое воспоминание о том, что твоё тело — неправильное.

Героиня села. Земля под ней была тёплой, живой. Она смотрела вниз, на свои руки, и молчала.

— Я не помню точно... — начала она, но Проводница перебила мягко:

— Помнишь. Просто это воспоминание покрылось коркой. Как старая рана. Копни.

И тогда героиня закрыла глаза.

Ей двенадцать. Лето. Она в гостях у тёти. На ней — новый купальник, который они с мамой выбирали две недели. Он голубой, в мелкий цветочек, и она чувствует себя в нём красивой. Почти.

Она выходит во двор, где собрались родственники. Шашлык. Смех. И тётя — папина сестра, которая всегда говорит то, что думает, и этим гордится, — оглядывает её с ног до головы и громко, на весь двор, объявляет:

«Ничего себе! Кто ж тебя так кормит? Гляньте, у неё уже живот висит. И бока. Совсем девочка себя запустила. А ну иди сюда, повернись — ой, мама дорогая...»

Все смотрят. Кто-то смеётся — не со зла, просто неловко. Мама краснеет и говорит: «Да нормальная она, просто кость широкая».

«Кость широкая» — это хуже, чем «толстая». Потому что «толстая» можно исправить. А «кость» — это навсегда. Это приговор.

Она больше не купается в тот день. Сидит в тени, завернувшись в полотенце, хотя жара стоит адская. И впервые чувствует то, что потом будет чувствовать годами: желание исчезнуть. Стать меньше. Сжаться. Исчезнуть.

Ей пятнадцать. Одноклассник, в которого она тайно влюблена, роняет фразу в коридоре — не ей, приятелю, но достаточно громко: «Да у неё ляжки — во, слониха».

Она перестаёт носить юбки.

Ей двадцать два. Она только что родила первого ребёнка. Тело чужое, мягкое, с багровыми растяжками на животе. Медсестра в роддоме, меняя бельё, бросает: «Ну всё, фигуре конец. Но ничего, ты ж теперь мать, тебе красота ни к чему».

Ей двадцать семь. Она на пляже. Она похудела к отпуску на десять килограмм — это стоило ей месяцев голода и срывов. Муж смотрит в телефон. Она в новом слитном купальнике, который скрывает живот, но не скрывает бёдра. Она ловит своё отражение в стеклянной двери кафе.

«Всё равно толстая», — говорит внутренний голос. И это уже не тётя. Не одноклассник. Не медсестра. Это её собственный голос. Самый жестокий. Самый беспощадный.

Героиня открыла глаза. По щекам текли слёзы. Она даже не заметила, когда начала плакать.

— Я не помню времени, когда моё тело было моим, — тихо сказала она. — Я всегда оценивала его чужими глазами. Я смотрела на себя и видела приговор. Живот — лень. Бёдра — бесхарактерность. Складки — отсутствие дисциплины. Я видела в своём теле доказательство того, что я плохая. Что я недостойна. Что я — ошибка.

Проводница слушала. Не перебивала. Не утешала пустыми словами. Она просто была рядом — как дерево, как гора.

— Знаешь, что такое женский стыд? — спросила она наконец. — Это оружие. Его вложили в твои руки, когда ты была слишком мала, чтобы защищаться. Тебе сказали: «Твоё тело — это проблема. Его нужно исправлять, прятать, стыдиться». И ты поверила. Потому что верить взрослым — это детская стратегия выживания. Если взрослый сказал, что ты толстая, значит, это правда. Если взрослый сказал, что твои ляжки — повод для насмешки, значит, так и есть. Ты не могла тогда сказать: «Тётя, это ты жестока, а я всего лишь рас-

ту». Ты впитала это. И носила десятилетиями.

— Но теперь это мой голос, — с горечью сказала героиня.
— Те люди давно забыли свои слова. А я повторяю их себе каждый день.

— Да, — кивнула Проводница. — Это и есть подмена. Ты думаешь, что это твой голос. Но это не так. Это голос тёти, одноклассника, медсестры, глянцевого журнала, фитнес-блогеров, патриархата, которому выгодно, чтобы женщина ненавидела себя и покупала средства для похудения. Твой голос — он другой. Ты пока не слышала его. Но услышишь. Если осмелишься войти в эти Врата.

Героиня подняла глаза. Впереди, за поворотом тропы, уже виднелась живая арка из переплетённых ветвей. Земля под ней была усыпана лепестками. Оттуда тянуло теплом и запахом диких роз.

— Кто меня там встретит? — спросила она.

— Дикая Садовница. Она — дух Земли. Она не судит. Она не оценивает. Она видит тебя не так, как видели они. Она покажет тебе правду. Но сначала ты должна оставить здесь всё, что тебе не принадлежит. Все эти голоса. Все эти взгляды. Все эти чужие приговоры.

Героиня встала. Ноги дрожали, но она стояла.

— Я готова, — сказала она. — Я хочу увидеть правду.

Проводница кивнула и осталась сидеть на камне.

— Я жду тебя здесь. Иди. И помни: всё, что ты услышишь внутри, — это не твой голос. Твой голос — тише. Но он там. Слушай его.

Ты задала мощный, честный образ. Никаких прикрас, никаких «волшебных платьев», скрывающих тело. Садовница обнажена — и не стыдится. Её растяжки, её складки, её грудь, кормившая и отвисшая, — всё это не спрятано, а явлено. Это и есть вызов для героини: увидеть тело, которое не извиняется за себя.

Пишем вторую часть. Медленно. Чувственно. С заходом в самую глубь боли.

Часть 2. Зеркало Земли

Арка из живых ветвей приняла её, обьяла теплом и запахом влажного мха. На мгновение стало темно — не пугающе, а так, как бывает темно в объятиях. А потом свет вернулся.

Она стояла в саду. Но это был не тот сад, который она ожидала увидеть. Никаких аккуратных дорожек, никаких подстриженных кустов. Это был дикий, буйный, первозданный сад, в котором всё росло так, как хотело. Травы были по пояс. Цветы — огромные, с человеческую голову, всех оттенков красного, розового и золотого — качались на толстых стеблях, источая пьянящий аромат. Ветви деревьев переплетались над головой, образуя свод, сквозь который пробивались лучи закатного солнца — длинные, медовые, полные танцующей пыли.

Земля под босыми ногами была тёплой. Живой. Она словно дышала.

И посреди всего этого великолепия стояла Женщина.

Она была спиной к героине. Спина была широкой, сильной, с перекатывающимися под загорелой кожей мышцами — не тренажёрными, а настоящими, рабочими. Тёмные волосы, перевитые алыми цветами, спускались до пояса. На бёдрах — простая холщовая юбка, грубая, в пятнах земли и травяного сока. И больше ничего.

Она обернулась. И героиня перестала дышать.

Грудь Садовницы была обнажена. Большая, мягкая, с широкими тёмными ареолами. Кожа покрыта серебристыми растяжками — они расходились от сосков лучами, как реки на карте. Живот — округлый, свободный, с глубокой ложбинкой пупка и такими же серебряными дорожками, спускающимися вниз, под ткань юбки. Бока — мягкие, со складками, которые никуда не прятались.

Садовница не пыталась втянуть живот. Не скрещивала руки на груди. Не извинялась взглядом. Она стояла так, словно была первым человеком на Земле и ещё не знала, что тела нужно стыдиться.

— Здравствуй, — сказала она. Голос был низким, тёплым, с хрипотцой, как у женщины, которая много поёт или много смеётся. — Я давно тебя ждала.

Героиня не могла отвести взгляд от её тела. Не от восхищения — от шока. От узнавания. У Садовницы был её живот. Её растяжки. Её складки на боках. Только Садовница носила их иначе. Не как наказание. Как одеяние. Как царскую мантию.

— Ты смотришь на мои отметины, — Садовница улыбнулась и провела ладонью по своему животу — нежно, по-хозяйски. — Это мои карты. Вот эта, — она коснулась длинной

растяжки слева, — появилась, когда я носила первого. Он лежал головой вниз и всё время пинался в это место. А эта, — тонкая паутинка справа, — от второго. Он пришел раньше срока, маленький, но такой громкий. А эти, на груди, — она провела ладонями по обеим грудям, без тени смущения, — это реки молока. Они текли три года. Три года моё тело кормило другую жизнь.

Она замолчала и посмотрела на героиню — прямо, открыто, без вызова, но и без жалости.

— А ты знаешь свои карты? Ты когда-нибудь смотрела на них? Не в примерочной, не под безжалостным светом яркой лампы, не чужими глазами. Своими. Смотрела?

Героиня покачала головой. В горле стоял ком. Она не могла говорить. Она даже не знала, что чувствует. Стыд, что она так стыдилась? Печаль? Облегчение?

— Тогда пришло время, — Садовница протянула руку. — Идём. Я покажу тебе тебя.

Она повернулась и пошла вглубь сада, туда, где между двумя старыми яблонями стояло Зеркало.

Оно было большим, в человеческий рост, в оправе из пе-

реплетённых корней и виноградных лоз. Поверхность его не была стеклянной — она мерцала, переливалась, как вода в лесном озере, и от неё исходило мягкое золотистое свечение.

— Это не простое зеркало, — сказала Садовница. — Оно показывает не то, что видят люди. Оно показывает то, что видит Земля. Истину под кожей. Красоту, которая не стареет и не толстеет. Потому что Земля не знает слова «недостаток». Она знает только «жизнь».

Героиня остановилась в нескольких шагах от зеркала.

— Я боюсь.

— Знаю. Но страх — это тоже жизнь. Иди. Посмотри. А я буду рядом.

И героиня подошла.

В зеркале отражалась женщина. Не та, которую героиня привыкла видеть в витринах магазинов и в безжалостном зеркале ванной, когда выходила из душа, поспешно отводя глаза. Нет. Эта женщина была другая.

Её тело было ландшафтом.

Бёдра — широкие, округлые — были холмами. Не толстыми, не «целлюлитными» — величественными, как курганы, под которыми спят древние богини. Кожа на них мерцала, и ямочки, которые она так ненавидела, выглядели как тёплые впадинки на песке после отлива.

Живот — мягкий, с округлостью, не втянутой, не спрятанной — был долиной. Плодородной, глубокой, способной взрастить жизнь. Растяжки, которые она прятала годами, в этом зеркале светились серебром. Они были реками. Они текли вниз, к лону, и в их свете была история.

— Это мои реки, — прошептала героиня, касаясь своего живота. — Я думала, они уродливы. А они... светятся.

Грудь — потерявшая форму после кормления, «обвисшая», как она говорила себе, — в зеркале была двумя полными лунами. Низкими, зрелыми, накормившими.

— Это мои луны, — сказала она. — Они кормили моих детей.

Руки — полные, с мягкими плечами, с мозолями на пальцах, — были ветвями. Сильными, гибкими, державшими столько, сколько не выдержали бы и крепкие мужские руки. Они держали детей, сумки, отчёты, ипотеку, мужа, который

устал, мир, который требовал. Они держали всё.

А лицо... Лицо было её. Но вокруг глаз — лучики морщин, которые она называла «гусиными лапками», — в зеркале выглядели как солнечные лучи. Как корона. Как следы от тысяч улыбок, которые она всё-таки смогла себе позволить, несмотря ни на что.

— Я... — она запнулась. — Я не знаю, кто это. Это не та женщина, которую я видела каждое утро.

— Это та женщина, которую видит Земля, — тихо сказала Садовница за её спиной. — Истинная ты. Под слоями стыда, чужих слов, диет и самобичевания. Ты — не проблема. Ты — земля. Живая. Настоящая. Способная родить, выкормить, вырастить, выдержать. Твои складки — это не ошибка. Это складки на карте местности, по которой прошла жизнь.

Героиня опустилась на колени перед зеркалом. Не от слабости. От избытка. Слёзы текли по щекам, но это были не те слёзы, что раньше — горькие, жгучие, полные ненависти. Это были слёзы облегчения. Как будто она держала в груди огромный камень и вдруг выпустила его.

— Я столько лет... — прошептала она. — Столько лет я верила, что моё тело — это наказание. Что я должна его пе-

ределывать, ломать, морить голодом, прятать. Я думала, что я уродлива. А я просто... живая.

Садовница опустилась рядом с ней на колени. Положила тёплую, пахнущую землёй ладонь на её плечо.

— Ты не просто живая. Ты — священна. Твоё тело — это храм, в котором совершались чудеса. Оно заслуживает не ненависти. Оно заслуживает благодарности.

— Но как? — героиня подняла заплаканные глаза. — Как мне перестать ненавидеть себя? Я смотрела на себя чужими глазами так долго, что разучилась смотреть своими.

— Мы будем учиться, — Садовница улыбнулась и вытерла слезу с её щеки. — Медленно. Шаг за шагом. Сегодня ты просто посмотрела. Просто увидела. Это уже огромно. А теперь... — она вдруг хитро прищурилась, — теперь я хочу познакомить тебя кое с кем. Вернее, с кое-чем. С той частью тебя, которая говорит голосом тёти, одноклассника и глянцевого журналов.

Героиня напряглась.

— Ты хочешь, чтобы я встретилась со своим внутренним критиком?

— Я хочу, чтобы ты встретилаcь со своей Тенью, — поправила Садовница. — С тем чудовищем, которого ты создала из чужих голосов. Ты дала ему власть над собой. Теперь пришло время посмотреть ему в глаза.

Она встала и протянула руку.

— Готова?

Часть 3. Та, кто живёт в зеркалах

Садовница подвела её к старому колодцу в центре сада. Героиня не заметила его раньше — он был скрыт высокой травой и цветущим кустарником. Камни, из которых он был сложен, поросли мхом. От воды, невидимой в глубине, поднимался пар — тёплый, густой, пахнувший серой и солью.

— Это не просто колодец, — сказала Садовница. — Это вход в твой подземный мир. Туда, где живёт твоя Тень. Она примет форму. У каждой женщины она своя. У кого-то — старуха с клюкой. У кого-то — прекрасная ледяная дева. У кого-то — чудовище с клыками.

— А у меня? — голос героини дрогнул.

— Узнаешь. Но помни: что бы ты ни увидела — это ты. Часть тебя. Не враг. Просто часть, которая слишком долго была в изгнании и озлобилась. Не уничтожай её. Услышь. Пойми, чего она на самом деле хочет.

Садовница коснулась рукой поверхности воды в колодце — та пошла рябью и вдруг стала прозрачной, как стекло, и твёрдой, как зеркало.

— Прыгай.

— Что?

— Прыгай в колодец. Другого пути нет.

Героиня посмотрела вниз. Из глубины на неё смотрело её собственное лицо — искажённое рябью, бледное, испуганное. Она сделала глубокий вдох. И прыгнула.

Падение было недолгим. Она приземлилась — мягко, на что-то холодное и гладкое — и открыла глаза.

Она стояла в примерочной.

Это была та самая примерочная. Безжалостный белый свет. Три зеркала — спереди, с боков, сзади. Она видела се-

бя со всех сторон, и это было невыносимо — складки, бока, живот, всё то, что она привыкла прятать под свободной одеждой, теперь было выставлено на всеобщее обозрение. Она попыталась прикрыться руками, но рук не было. Вернее, они были, но не слушались. Она была голой. Беззащитной. Под этим убийственным светом.

И тогда из зеркала напротив вышла она.

Такая же. Только... искажённая. Её лицо, но застывшее в гримасе брезгливости. Её тело, но нарочито увеличенное, как в кривом зеркале комнаты смеха. Глаза — холодные, оценивающие, без капли тепла.

— Ну здравствуй, — произнесла Тень голосом, который героиня слышала в своей голове тысячи раз. Это был голос тёти. Голос одноклассника. Голос медсестры. Голос всех, кто когда-либо оценивал её тело. — Решила полюбить себя? Смешно. Посмотри на себя. Посмотри на этот живот. На эту грудь, которая висит, как пустые мешки. На эти бока — ты видела, как они вываливаются, когда ты садишься? Ты думаешь, зеркало Земли что-то изменило? Ты всё та же. Толстая. Некрасивая. Старая. Никому не нужная.

Героиня стояла, парализованная. Это было хуже, чем она представляла. Потому что это был её голос. Её собственный, родной, который она взрастила и выкормила за десятилетия.

— Я... — начала она, но Тень перебила:

— Что «я»? Плакать будешь? Давай, поплачь. Ты всегда была слабой. Ты думаешь, шоколадка на кухне делает тебя живой? Ты просто жирная тётка, которая заедает стресс. Муж на тебя уже не смотрит — и правильно. Кому ты нужна такая? Детям стыдно, что у них такая мать. Ты позорище. Ты ошибка.

Каждое слово било как хлыст. И героиня вдруг поняла: она верит этому. Верит до сих пор. Несмотря на Зеркало Земли. Несмотря на Садовницу. Где-то глубоко внутри она всё ещё согласна с каждым словом Тени. И от этого становилось ещё больнее.

Тень сделала шаг ближе. Теперь она стояла вплотную. Её лицо было в сантиметре от лица героини, и от неё пахло чем-то затхлым, как от старой одежды, которую слишком долго не доставали из шкафа.

— Знаешь, что самое смешное? — прошептала Тень. — Ты думаешь, я твой враг. Но я — единственная, кто говорит тебе правду. Все эти «полюби себя», «ты прекрасна» — это ложь. Сладкая вата для слабаков. А я — реальность. Я защищаю тебя. Если ты поверишь, что красива — ты выйдешь

на свет, и там тебя сожрут. Они увидят то, что вижу я. Они будут смеяться. Так что сиди тихо. Ешь свою шоколадку в темноте. Не высывайся. Это твоя судьба. Ты не заслуживаешь большего.

И тут, сквозь пелену боли и стыда, в героине что-то дрогнуло. Какая-то искра — не гнева, нет. Скорее, любопытства. Она вспомнила слова Садовницы: «Не уничтожай её. Услышь. Пойми, чего она на самом деле хочет».

Она подняла глаза на Тень. Прямо. Впервые без страха.

— Чего ты хочешь? — спросила она тихо.

Тень на секунду запнулась. В её холодных глазах мелькнуло что-то — удивление? Растерянность?

— Чего я хочу? Я хочу, чтобы ты не позорилась. Чтобы ты сидела тихо и не высывалась. Чтобы...

— Нет, — перебила героиня. — Это не твоё желание. Это страх. Чего ты на самом деле хочешь? Для чего ты меня так... охраняешь?

Тень молчала. Её лицо, искажённое гримасой, вдруг дрогнуло. Как будто под маской было что-то ещё.

— Я хочу... — голос Тени изменился. Стал тише. Моложе.
— Я хочу, чтобы тебя не ранили снова.

И тут героиня увидела. Под слоем жестокости, под маской критика и мучителя, Тень была не чудовищем. Она была маленькой девочкой. Двенадцатилетней. В голубом купальнике в цветочек. Которая стояла во дворе у тётки и впервые узнала, что её тело — неправильное.

— Это ты, — прошептала героиня. — Ты — та девочка.

Тень отшатнулась. Её лицо пошло рябью, как вода в колоде.

— Я не девочка. Я — защита. Я выросла, чтобы ты больше никогда не чувствовала ту боль. Понимаешь? Я стала жестокой, чтобы ты не была уязвимой. Я научилась бить первой, чтобы никто не ударил тебя снова. Я говорила тебе: ты никчёмная, толстая, уродливая — я говорила это, чтобы ты не верила комплиментам. Потому что комплименты — это ловушка. Сейчас тебя хвалят, а завтра ударят. А я не хочу, чтобы тебя снова ударили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.